

Ю. В. Пуцаев

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА, МОСКВА, РОССИЯ

Можно ли Александра Зиновьева считать национально- ориентированным консерватором? (Критические заметки о творчестве А. А. Зиновьева)

Аннотация. В статье разбирается вопрос, можно ли отечественного мыслителя Александра Александровича Зиновьева причислить к лагерю национально ориентированных консерваторов, и даётся аргументированный ответ, почему этого делать нельзя. Одной из причин этого является резко негативное, нигилистическое отношение Зиновьева к Русской Православной Церкви и исторической, дореволюционной России, что немыслимо для сколь-нибудь настоящего русского консерватора. Поэтому его взгляды условно можно подвести разве что под рубрику советского консерватизма, но и тут есть сильно осложняющие дело нюансы, о которых идёт речь в данной статье. Также отмечается, что творческое наследие А. А. Зиновьева на данный момент, несмотря на большой шум вокруг его имени, на самом деле ещё очень плохо изучено. Вкратце рассматривается его творческая эволюция, его склонность к позитивизму начиная ещё с его знаменитой кандидатской

диссертации. Более подробно анализируются плюсы и минусы его концепции коммунизма как сердцевины всех идей Зиновьева. Отмечается скудость её основной идейной схемы и её слабые прогностические способности. В конце статьи отмечаются три момента, почему Зиновьева нельзя считать настоящим консерватором. Это, во-первых, его резко негативное отношение к исторической России и Православию. Во-вторых, это антиисторизм его проекта логической социологии и связанный с ним позитивизм. В-третьих, это то, что апологетом советского общественного строя Зиновьев стал лишь после его ухода со сцены истории, *post factum*. При его же жизни Зиновьев всегда был преимущественно его резким критиком и высмеивателем.

Ключевые слова: А. А. Зиновьев, русский консерватизм, советский консерватизм, советская эпоха, реальный коммунизм, либерализм, позитивизм, постсоветизм

Для цитирования: Пущаев Ю. В. Можно ли Александра Зиновьева считать национально-ориентированным консерватором? (Критические заметки о творчестве А. А. Зиновьева) // Ортодоксия. — 2023. — № 1. — С. 58–101. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-1-58-101

Отечественного мыслителя Александра Александровича Зиновьева (1922–2006) нередко упоминают в ряду тех крупных интеллектуальных фигур недавней русской истории на границе с современностью, которые в постсоветской России принадлежали к консервативному лагерю и выражали идеи национального самосознания. В этом контексте можно встретить упоминание Зиновьева, например, через запятую, наряду с И. Р. Шафаревичем, В. В. Кожинным и т. д.

Действительно, Зиновьеву принадлежит тот важнейший вклад в наше сегодняшнее общественное сознание, в его совсем недавнюю историю, что его голос был одним из самых громких и весомых в формировании нынешнего российского антизападничества. Рассуждения Зиновьева о русском коммунизме, современном Западе и западнизме как непримиримых врагах России, острые публицистические высказывания о негативных последствиях распада СССР оказали своё влияние на то, что идеологический мейнстрим в нашей стране из либерального за последние 20 лет стал преимущественно антилиберальным.

Однако действительно ли Зиновьева можно вот так, напрямую причислять к видным деятелям именно национально-консервативного движения постсоветского времени? По нашему убеждению, всё же нет. И дело тут не в своеобразии, как можно было бы подумать и как принято говорить, «взглядов крупного мыслителя, которого в силу масштабов его мысли невозможно приписать к тому или иному идеологическому или партийному лагерю». Причина тут именно во взглядах Зиновьева на русскую историю в целом, а также в том, что принято называть его авторской стратегией на протяжении всей его творческой жизни. Если внимательно посмотреть в целом на творческий путь Зиновьева и на то идейное наследие, которое он оставил, на ту совокупность текстов, автором которых является А. А. Зиновьев, то характеристика его как безусловно национально и консервативно ориентированного мыслителя, по нашему убеждению, должна быть отвергнута.

Если и есть важные черты, заставляющие считать Зиновьева консерватором, то консерватором разве что весьма нетрадиционным, «превращённым», то есть советским консерватором. Однако и тут есть сильно осложняющие дело обстоятельства. Дело в том, что ярко выраженным советским консерватором он становится уже постфактум, в постсоветское время, когда Советский Союз уже распался. В этом контексте вспоминается суждение Александра Моисеевича Пятигорского о Зиновьеве: «Зиновьев, насколько я его знаю (а я, в общем, его знаю и люблю), — человек необыкновенно, безумно ностальгический» (Пятигорский 1996: 315).

Незнание важных особенностей творческого пути и наследия Зиновьева порождает странные, порой весьма курьёзные ситуации. Так, например, в мае 2022 года в одной из православных духовных семинарий состоялось, казалось бы, ничем особым не примечательное научное мероприятие, приуроченное к празднованию 100-летнего юбилея Александра Александровича Зиновьева и посвящённое знакомству студентов духовной школы с его жизнью и творческим наследием. Как сказано в тексте новости, гости встречи рассказали о разных гранях творчества А. А. Зиновьева, особо отметив необходимость сохранения и популяризации его наследия на современном этапе, а также поделились со студентами опытом практической работы с наследием А. А. Зиновьева¹.

¹ В Нижегородской духовной семинарии состоялась лекция в честь 100-летия Александра Зиновьева // Зиновьев.инфо. — 2022. — 18 мая. — URL: <http://zinoviev.info/wps/archives/7414> (дата обращения: 25.09.2022).

Некоторая неуместность этого события в том, что в стенах учебного духовного заведения Русской Православной Церкви в очень позитивном, надо полагать, свете рассказали о «жизни и творческом наследии» на самом деле откровенно антицерковного и антиклерикального автора и мыслителя.

Что, интересно, сказали бы семинаристы, посетившие лекцию, если бы им зачитали следующие отрывки из произведений А. А. Зиновьева:

«И было бы в высшей степени несправедливо отрицать положительную роль антирелигиозной деятельности советской власти в прошлые годы. Эта деятельность имела огромное просветительское значение. Она высвободила многомиллионные массы населения из пут религиозного мракобесия. Антирелигиозная деятельность советской власти имела и до сих пор имеет успех в массах населения прежде всего благодаря тому, что исторически данные формы религии оказались неадекватными менталитету современного человека и его положению в обществе, а не благодаря насилию. Насилие имело и имеет место в данном отношении, как и во многих других. Но не оно есть основа. Оно само опирается на ту основу, которая предопределяет судьбу религий в коммунистическом обществе».

(Зиновьев 1994: 249).

«Десятки миллионов обманутых и отчаявшихся людей устремились в церкви, ища там утешения. А на самом деле устремились в бездну мракобесия, деградации, отказа от какой бы то ни было социальной активности — в бездну рабской покорности. Наряду с церквями, повсюду высятся здания банков и частных фирм самой современной западнообразной архитектуры, — храмы нового божества российского общества и нового его властителя, имя которому Деньги. Советское общество затратило огромные усилия на то, чтобы оградить нас, россиян, от этого идола западного мира. Всё пошло прахом. Новый Бог потеснил не только идеалы коммунизма, но и реанимируемого Христа».

(Зиновьев 2014: 14).

«Религия вытеснила все достижения просвещения за десятки лет советской жизни. Разрушена система возвышенных ценностей <...> Поразительно! Быть самым образованным и просвещённым народом в мире и ринуться в самое дремучее религиозное мракобесие! Почему?!»

(Зиновьев 2014: 15).

«Я со многим могу примириться, только не с возрождением дореволюционных мерзостей. Я готов большевикам простить все их прегрешения только за одно то, что они избавили народ от религиозного мракобесия».

(Зиновьев 2014: 16).

«В центр Москвы я выбираюсь редко. Выбираюсь как будто в лагерь врагов. Новые непривычные названия улиц, напоминающие о гнусном прошлом России, о царизме, религиозном мракобесии, купцах, крепостниках, жандармах. Позолоченные купола церквей. Вывески и рекламы частных фирм. Здания банков. По заграничному одетые и наглые “новые русские”. Бесчисленные иностранцы и представители “южных национальностей” (азербайджанцы, чеченцы, осетины, азиаты). Бесконечные потоки автомашин мировых марок. Мне становится тошно от всего этого. Москва превратилась в махровое церковно-самодержавное русское захолустье и одновременно в международный центр типа Гонконга, глубоко враждебный всему национально-русскому».

(Зиновьев 2014: 16).

Также, например, Зиновьев через запятую упоминал православие, уравнивая его с такими тяжкими пороками, как сектантство, разврат, алкоголизм, наркоманию и преступность (Зиновьев 2014: 33). И так далее, и так далее.

То есть, оказывается, Александра Александровича Зиновьева характеризует ярое неприятие и Русской Православной Церкви, и самодержавной исторической России, её дореволюционного прошлого, причём достаточно нехитрое и неоригинальное. Легко заметить, что в приведённых цитатах Зиновьев относительно религии и Церкви высказывается на уровне каких-то застарелых советских штампов. В этом смысле он и правда остался очень советским человеком. Но можно ли хотя бы ввиду цитированного выше считать А. А. Зиновьева выразителем русского национального самосознания и подлинным русским консерваторм?

Как мы уже сказали, что если и можно его считать консерваторм, то, казалось бы, лишь своего рода советским консерваторм, поскольку сегодня Зиновьев известен как яркий защитник советской эпохи, которую он считал «высшим достижением русской истории». Об этом его поздние книги, многочисленные интервью и выступления.

Однако и с этой характеристикой всё не просто, если учесть, что Зиновьев говорил и писал про Советский Союз, пока он существовал. Парадоксальность его фигуры в том, что он, по сути, всегда был защитником и охранителем уже безнадежно ушедшего прошлого, когда охранять уже фактически было нечего.

Сегодня Александр Александрович Зиновьев является отечественным мыслителем, который получил, можно сказать, максимальное признание на официальном уровне. Он третий из мыслителей после Канта и Достоевского, чей юбилей в России был отмечен и праздновался на столь высоком государственном уровне. Этого не удостоились, например, ни Владимир Соловьёв, ни Константин Леонтьев, ни отец Павел Флоренский, ни А. Ф. Лосев и др. Неужели они и их идеи менее ценны для русской культуры, чем творчество А. А. Зиновьева? Например, в 2024 году будут юбилеи сразу двух крупнейших отечественных мыслителей — Николая Бердяева и Эвальда Ильенкова. Сам собою возникает вопрос: будет ли их юбилей отмечаться на таком же уровне, как зиновьевский, и если нет, то почему?

Вообще мы должны заявить, что вокруг творческого наследия А. А. Зиновьева сложилась парадоксальная ситуация. А именно, о Зиновьеве, о его личности много говорят, преимущественно в очень положительных, даже порой восторженных тонах, но это странным образом контрастирует с явной недостаточностью содержательного знакомства с его творчеством, с конкретным знанием его идей, а также с умением их адаптировать и применять для своего понимания и творчества. Даже на VIII Российском философском конгрессе, который прошёл в Москве в 2022 году и был ни много ни мало приурочен к 100-летию со дня рождения А. А. Зиновьева, на посвящённом ему пленарном заседании отмечалось, что «его творчество плохо изучено даже в отдельных его конкретных аспектах, не говоря уже о целостном взгляде на него» (Гусейнов 2022: 108).

В огромном большинстве посвящённых Зиновьеву статей и работ есть явный перекося в сторону биографического, личного по сравнению с идейно-содержательным анализом. При этом, осмелимся утверждать, в современной российской философии практически отсутствует собственно зиновьевская школа. Конечно, Александра Зиновьева часто цитируют и вспоминают как живого собеседника, но в основном на публицистическом и политическом уровне. Он автор многих метких наблюдений и острых высказываний, хотя надо сказать, что самое

известное его высказывание как первооткрывателю принадлежит не ему. А именно, знаменитую фразу «целились в коммунизм, а попали в Россию», авторство которой обычно приписывают Зиновьеву, первым произнёс лидер сменовеховства Николай Васильевич Устрялов. Ещё осенью 1920 года Устрялов пишет княгине Л. В. Голицыной, убеждая её признать неслучайной победу большевиков и прекратить гражданскую войну с ними: «Метили в большевиков, попали по России, в себя самих... Не остановиться ли?» («Не остановиться ли?» 1999: 217).

В то же время в современной философии в России практически нет философов-зиновьевцев, то есть тех, кто в своей философской работе осознанно и широко отталкивался бы от его конкретных идей и творчески бы их развивал. Есть ли сегодня исследователи и учёные, которые смотрят на мир и общество в зиновьевской оптике? Нам, по крайней мере, о них как сколько-нибудь численно значимой группе ничего не известно (мы не берём в расчёт опять-таки политических публицистов, которые ссылаются на Зиновьева и цитируют его афористичные высказывания). В то же время в современной философской среде есть и «щедровитяне», и ильенковцы, и анархически представленные поклонники Мамардашвили, которые в силу философского индивидуализма и импровизационного стиля «грузинского Сократа» вряд ли могут организационно сложиться во что-либо единое. Однако они своими взглядами и высказываемыми идеями выражают свою преемственность Мамардашвили, пусть порой и полемически.

Поэтому на сегодняшний день мы вынуждены констатировать явную нехватку серьёзного, идейного и аналитического изучения наследия А. А. Зиновьева, а также содержательно-философской преемственности ему, сильную недоизученность его творчества, которая находится в остром контрасте с его присутствием в информационном поле. Впрочем, мы допускаем, что не знаем здесь чего-то важного, что по тем или иным причинам не попало нам на глаза. В таком случае заранее приносим свои извинения и просим указать на неизвестные нам факты серьёзного, фундаментально-академического и глубокого философского обсуждения и анализа творчества Зиновьева.

В этой статье мы хотим выдвинуть некие предварительные критические тезисы о философско-социологических взглядах и идеях А. А. Зиновьева, а также об общей эволюции его воззрений. Это то, к чему мы пока пришли в ходе чтения и изучения его трудов.

БЛЕСТЯЩЕЕ НАЧАЛО ФИЛОСОФСКОГО ПУТИ ЗИНОВЬЕВА И ПОЗИТИВИСТСКИЙ ХАРАКТЕР ЕГО ВОЗЗРЕНИЙ

Общеизвестно, что Зиновьев буквально ворвался в до предела догматизированный тогда мир советской философии (или того, что ею тогда считалось) триумфальной защитой своей блестящей кандидатской диссертации «Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале “Капитала” К. Маркса)» в 1954 году (Зиновьев 2002). Для того времени это действительно была уникальная и незаурядная работа. Когда сегодня берёшь её в руки и открываешь, надо представить себе историческую обстановку того времени и то, что тогда из себя представляла советская философия, которая была на тот момент сугубой *ancilla ideologiae sovieticae* (служанкой советской идеологии — лат.). Зиновьев придумал и осуществил, пожалуй, впервые в советской культуре, как внеидеологически подойти к «Капиталу» Маркса, исследовать его метод мышления, имеющий, по замыслу Зиновьева, универсальное значение и лишь использованный Марксом применительно к экономической и исторической действительности. Он призвал рассматривать этот метод как совокупность умственных приёмов. «Зиновьев <...> был замечателен тем, что он придумал, как изолировать методологию Маркса и отделить её от марксизма» (Пятигорский 1996: 314).

Это вызвало сильнейшее неприятие и отторжение среди старших коллег и товарищей по цеху, проверенных бойцов идеологического фронта. Зато это на ура было воспринято тогдашней философской молодёжью, будущими так называемыми шестидесятниками, которые мечтали о свободе творчества и автономном философском поиске. Кстати, любопытное обстоятельство, требующее исторического осмысления. Порой принято говорить, что и триумфальная защита кандидатской Зиновьевым, и хотя бы относительно свободный поиск нового молодого философского поколения стали возможны только благодаря смерти Сталина в 1953 году и начавшейся «оттепели». Однако вот что интересно. Ведь формирование этого молодого поколения, в том числе их учёба на философском факультете МГУ, пришлось на самые, как принято говорить, глухие сталинские годы: конец 1940-х — начало 1950-х годов. Да и сам Зиновьев продумывал и писал свою новаторскую диссертацию в это время. Получается, что именно в тени и тиши сталинского «презервативного колпака» (термин К. Н. Леонтьева) возникало, формировалось и тихо росло то, что потом буйно выплеснулось во второй половине 1950-х и в 1960-е годы. Тут, пожалуй, стоит вспомнить мысль того же Леонтьева о том, что деспотизм

бывает полезен для культуры. Леонтьев проницательно замечал, что представители «золотого века русской культуры» — XIX века, лучшие русские поэты и писатели, мыслители-славянофилы, были людьми 1840-х годов. То есть они все росли при крепком, сословном, крепостническом строе, и спокойное течение жизни при императоре Николае I дало им возможность не спеша развиваться и духовно созреть. При этом все они, как позже и советские шестидесятники, роптали на строй, ненавидели его и желали в молодости его ниспровержения. Во всех них, как говорит Леонтьев, «совершилось одно из тех таинств психического развития, которые наука ещё не в силах до сих пор удовлетворительно формулировать; в идеале в сознании — они все более или менее ненавидели этот крепостнический и деспотический строй (и напрасно, конечно), но в бессознательных безднах их душ эпоха эта, благоприятная досужной мысли, свершила своё органическое, независимое от их воли дело» (Леонтьев 2007: 387).

Конечно, представленная Зиновьевым в своей диссертации научно-философская методология имела сильнейший гегельянско-марксистский стиль, опиралась на представленные в «Капитале» терминологию и ходы мысли. Однако мы хотим отметить тут два очень важных момента. Первый состоит в том, что, представив марксизм, мысль Маркса как только метод, Зиновьев уже тем самым явно или неявно покидал почву марксизма как единственно правильного учения и приглашал к этому и остальных. Ведь, элементарным образом, если есть один метод, то тем самым уже предполагается, что возможен и другой подход и способ мышления, другой метод. А значит — и другое мировоззрение, другая система взглядов. В этом смысле работа Зиновьева, защищённая в 1954 году, действительно имела новаторский характер в условиях тогдашней философско-идеологической культуры и обстановки. То отторжение, которое вызвала его диссертация со стороны значительной части официальной философской среды, не было случайным. Оппоненты верно почувствовали, что здесь именем Маркса и на «материале мысли Маркса» осуществляется подрыв марксистского мировоззрения как господствующего, как правящей идеологии.

С другой стороны, когда подчёркивают важность занятия прежде всего методологией и теорией познания, при этом тем самым подразумевают выход в пространство «чистого разума» и внеидеологичность, обретение свободы от идеологических предрассудков. Однако это на самом деле либеральная и позитивистская иллюзия. Претензия на чистую

методологию и беспредпосылочность характерна как раз для либерального сознания, потому что опирается на веру в автономный разум, в то что возможно чистое сознание, которое из себя может открывать в себе и полагать себе обязывающие законы. При этом это сознание чуть позже буквально тут же будет излагать своё либерально-идеологическое credo, не чувствуя при этом ни малейшего противоречия или неудобства, излагая их от имени якобы чистого разума. Хотя «критический анализ идеологий», родоначальником которого выступил Карл Маркс, у его автора был призван разоблачать «превращённые формы» именно либеральной идеологии как идейного выражения капитализма. Так что «критический анализ идеологий» совсем не беспредпосылочен. Под маской подобного критического анализа выступает не разум сам по себе, а другая идеология, другое мировоззрение, претендующее на идеологическое руководство обществом.

Возвращаясь к вопросу об историческом значении диссертации Зиновьева 1954 года, необходимо отметить и другой важнейший момент, который много даёт и для понимания наследия и творческого пути Зиновьева, и даже шире — судеб советской философской и идеологической культуры в послесталинское время в целом. Сошлёмся снова на Пятигорского. Продолжая свою мысль о том, что «Зиновьев был замечателен тем, что придумал, как изолировать методологию Маркса и отделить ее от марксизма», и что это его огромная заслуга, он далее говорит, как именно это было сделано: «Как Зиновьев это сделал — ответить очень просто: конечно, с позиций более или менее позитивистских. Иначе говоря, с точки зрения в то время ещё плохо отработанного логического анализа он как бы задним числом осознал очень важные моменты марксистского метода — метода, который использовал Маркс в “Капитале”» (Пятигорский 1996: 314–315).

Это наблюдение принципиально важно. Действительно, уже тогда, для раннего Зиновьева было характерно некое позитивистское и кантианское по духу умонастроение, по крайней мере, его фундаментальные элементы. Это, прежде всего, выражалось в том, что Зиновьев принципиально отстаивал мысль, что методы и «приёмы мышления» не тождественны бытию, что средства отражения принципиально отличаются от отражаемого. Это его убеждение формировалось в противопоставлении гегельянству Ильенкова и собиравшегося вокруг него круга его молодых сторонников. Защита кандидатской диссертации Ильенкова «Некоторые вопросы материалистической диалектики в работе К. Маркса “К критике

политической экономии»» состоялась на год раньше зиновьевской, в 1953 году, и была во многом столь же исторически знаковой. Так называемый Московский логический кружок (главным лидером был Зиновьев, другими ведущими фигурами вслед за ним были Г. П. Щедровицкий, М. К. Мамардашвили, Б. А. Грушин), который в лице молодых философов, студентов и аспирантов из философского факультета МГУ сформировался в середине 1950-х вокруг Зиновьева, объединяла эта идея как главная отличительная установка. Но из этой философской установки рос будущий советский либерализм: философствование Мамардашвили, например, и в целом до поры до времени скрываемое марксистской терминологией неокантианство, неопозитивизм и либерализм.

Но пока у этого в 1950-е внешне был достаточно, казалось бы, невинный с точки зрения идеологии вид. Зиновьева и Ильенкова объединяло тогда общее понимание объекта и предмета анализа (попытки извлечь истинную научную методологию из «Капитала» Маркса), но уже тогда разъединяли и создавали тем самым значимое разномыслие между ними их разные подходы к одному и тому же предмету. Зиновьева и сформировавших вокруг него Московский логический кружок философов, повторимся, объединял кантианский, антигегельянский (и антиильенковский) пафос и убеждение, что формы и приёмы мысли не совпадают с бытием. Вопреки главному убеждению Ильенкова о тождестве бытия и мышления они считали (и видели в этом своё принципиальное отличие), что последнее обладает своей качественной спецификой, что и подчёркивается хотя бы термином «приёмы мысли». Приём — это что-то из области субъективного умения или мастерства, которое овладевает внешним материалом, но не отражает его и не является его воспроизведением. Что отражает лопата? — говорят, иронично спрашивал у оппонентов Зиновьев на защите своей диссертации.

Так в советской философии на её новом, позднем этапе начали формироваться две её, пожалуй, главные линии — гегельянски-марксистская и либерально-позитивистская под маской марксизма. У каждой из них, в свою очередь, были свои ответвления, мы говорим в данном случае лишь о её главных течениях. Представители обоих течений начинали, конечно, как правоверные марксисты в философии, во многом гегельянцы, называя себя диалектическими логиками, а своё направление — диалектической логикой. Но уже тогда, в 1950-х, отчётливо намечаются и линии разлома, которые в итоге породят перестройку и победу либеральной

революции в 1991 году. Уже немногие оставшиеся к тому времени искренние марксисты ничего не смогут последней противопоставить.

Получается, что отчасти начало второму, либерально-позитивистскому течению, по сути, положил сам Зиновьев, его триумфальная диссертация — своим позитивистским по духу пониманием методологических проблем. Это обстоятельство достаточно парадоксально, учитывая то, что поздний Зиновьев вступил в резкую полемику с либерализмом и глобализмом, выказав себя ярким защитником советского строя.

Думается, именно эта ярко выраженная позитивистская составляющая зиновьевского мировоззрения непосредственно повлияла на то, что он быстро отходит от своих молодых товарищей-соратников по исследованию «Капитала» и перестаёт считать себя диалектическим логиком. Напротив, он начинает усиленно заниматься формальной и математической логикой. Причина этого поворота была не только та, о которой говорил Мамардашвили в одном из самых последних своих интервью, где он вспоминал про философское начало своё и людей своего круга, своего поколения: «Зиновьев вскоре вообще выбрал полную зашифрованность и кастовую сферу, уйдя в математическую логику и академическое благополучие. И одной из причин такого выбора, конечно, было то, что борьба была не нашей, чужой, и могла оказаться смертельно опасной» (Мамардашвили 1990: 52). Зная полемичный и строптивый характер Зиновьева, его дальнейшую судьбу и постоянное позиционирование себя как бунтаря и якобы отщепенца, в такую мотивацию верится не слишком. Можно скорее предположить, что начальный позитивистский настрой раннего Зиновьева времён его диссертации далее логично перешёл в углублённые занятия формальной и математической логикой.

Правда, этот вызревший позитивистский настрой, который заметно присутствует в зиновьевских зрелых философских и социологических идеях и взглядах, парадоксальным образом всё равно сочетается с диалектичностью, тоже присущей его мышлению, ведь недаром же он прошёл школу гегельянизированного Маркса. Диалектический стиль мышления Зиновьева, например, сказывается, когда он утверждает, что достоинства коммунизма — это логичное продолжение его недостатков. В то же время чем, как не позитивизмом по духу, являются его попытки путём логического анализа языка ни много ни мало определить первичные понятия физики или разрешить зеноновские

парадоксы?² Типично позитивистской по духу является и исходная социологическая установка, что всё возможное многообразие общества является комбинациями исходных неделимых элементов: «Социальные объекты суть объединения людей, а люди — члены этих объединений. Всё в мире есть результат комбинирования некоторых элементарных частичек — атомов. Я принял это допущение в отношении социальных объектов» (Зиновьев 2003: 8–9). Такие же отчётливые позитивистские мотивы содержатся в социологических главах «Зияющих высот», так вообще строится его логическая социология как абстрактная система, в рамках которой в принципе отбрасывается холистский или диалектический подход. Например: «Интересы группы суть интересы некоторых членов группы, и прежде всего — руководящих лиц. Общие и единые интересы группы — миф. Обман или пустая абстракция» (Зиновьев 2000: 132). Или: «Существенно отметить, что, говоря о зависимости индивида от группы, я выражаюсь фигурально. Фактически есть зависимость индивида от других индивидов, принимающая лишь видимость зависимости его от группы в целом. Это есть насилие одних людей над другими, в самой её основе — взаимное насилие» (Зиновьев 2000: 143).

Зиновьевская система взглядов на общество, его проект так называемой логической социологии — это своего рода попытка «чистой» науки об обществе. Но важнейшая и, можно сказать, определяющая черта во многом позитивистского характера взглядов А. А. Зиновьева та, что в его социологии или в его философии общества совершенно не принимается и не берётся в расчёт метафизическое измерение в каком-либо его виде. Также при рассмотрении им общества как системы в принципе

² «Самая сложная из задач — инвентаризация достижений советской логики. Скажем, всё больший интерес вызывают результаты Александра Зиновьева, претендовавшего ни много ни мало на решение парадокса Зенона Элейского, доказательство существования неделимых элементов пространства и времени, доказательство недоказуемости великой теоремы Ферма и т. д. Необходим взвешенный и компетентный анализ вкладов Зиновьева. Если их правильность будет подтверждена, Зиновьев должен быть причислен к величайшим умам человечества. Пока же среди профессиональных логиков действует негласное табу на обсуждение логических работ Зиновьева. И дело не в отсутствии компетентных специалистов, а в академической круговой поруке и “терроре учтивости”, согласно которым допустима одна форма критики — замалчивание. Только один публицист, не являющийся профессиональным логиком, пожурил покойного философа за “ряд опрометчивых и даже конфузных шагов” в логических работах (К. А. Крылов). Нам же, честно говоря, хотелось бы дожить до времени, когда в отношении фиктивных открытий будет употребляться то слово, которого они заслуживают, — “надувательство”» (Бойко М. Прологомены к логике // Независимая газета. — 2007. — 9 августа. — URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2007-08-09/6_prolegomeny.html?ysclid=lewx9gaeyc750749835) (дата обращения: 25.09.2022)

отсутствует этика или мораль как не вторичный регулятив. Это вполне сочетается с его тезисом, что мысль — это сугубо материальное явление, что тоже в духе скучного натуралистического позитивизма. Зиновьев в принципе отрицал существование нематериальной субстанции, чего-либо идеального: «Разделение духа и материи и лишение духа материальности из религии перешло в идеалистическую философию (или наоборот?), а из идеалистической философии — в “перевернутом” виде в философский материализм. На самом деле сознание людей (мышление, дух) есть явление не менее материальное, чем прочие явления живой и неживой природы. Никакой бестелесной (нематериальной, идеальной) субстанции вообще не существует. Сознание есть состояние и деятельность мозга человека со связанной с ним нервной системой. Идеи (мысли) суть состояния клеток мозга и комплексы вполне материальных знаков» (Зиновьев 2003: 9).

В проекте логической социологии Зиновьева человек рассматривается как своеобразный социальный атом, у которого нет никакого внутреннего содержания как значимого для этой социологии, никакой внутренней мир человека и никакие его внутренние этические установки не принимаются как детерминанта его поведения. Любая социальная организация, по Зиновьеву, строится как сочетание из атомов разных групп. В свою очередь, сочетания этих групп социальных складываются в предобщества, или человеиники, а вот эти человеиники уже образуют общество.

Непринятие во внимание метафизического, внутреннего и этического содержания и измерения, которые порождали и выражали бы высшие надындивидуальные принципы, — это позитивистский взгляд на человека на грани мизантропии. В этом ракурсе действия и цели диктуются лишь внешними интересами и соображениями личной выгоды: «Из сказанного не следует, что человек есть прирождённый злодей. Человек от природы не есть ни злодей, ни добряк. Но если человеку нужно сделать что-то в силу фундаментального принципа его коммунального бытия и он может сделать это безнаказанно, он это сделает, вернее — в нём самом по себе нет никаких ограничителей, препятствующих осуществлению такого рода действий. С этой точки зрения человек есть на всё способная тварь.

Общество вырабатывает какие-то ограничители для поведения этой твари. И лишь в рамках таких ограничителей (запретов или поощрений) человек обретает добродетели. То, что воспринимается как

идущее из самого человека, есть на самом деле лишь рефлексия общественных ограничений в сознании и поведении отдельных индивидов. Самоограничения суть лишь способ действия внешних ограничений. Человек имеет ограничители своего поведения лишь в других аналогичных индивидах, а переживает их как нечто внутреннее для себя» (Зиновьев 1994: 67–68).

Итак, мы видим, что всё то, что зовут моралью или добродетелями, по Зиновьеву, это производная, «рефлексия» или «способ действия» общественных отношений. При таком понимании морали или нравственности как вторичного феномена Зиновьев, по сути, остался марксистом («человек как совокупность или ансамбль общественных отношений») и позитивистом одновременно.

Внеэтическое понимание природы человека принимает у Зиновьева мизантропические оттенки. Особенно это сказывается при описании им советской жизни и коммунистического строя в его доперестроечных сочинениях, что непривычно для нас, вроде привыкших к Зиновьеву как защитнику советской истории и советских ценностей. Но таким защитником он станет уже потом, практически лишь после краха коммунизма и распада СССР, когда он вдруг *post factum* провозгласит коммунизм вершиной в истории мировой цивилизации. Не так он говорил о реальном коммунизме при его жизни. См., например, его достаточно уничижительную характеристику Москвы в его «Исповеди отщепенца» (1989), где он, напротив, видит в Москве как столице коммунизма угрозу мировой цивилизации: «Столицы бывают разные. Я употребляю слово “столица” не в обиходном, а в социологическом смысле: это та точка на планете, из которой исходит инициатива исторического процесса, через которую в мир исходит влияние доминирующей тенденции эволюции. Именно в этом смысле Москва превратилась в столицу мировой истории. Москва стала базисом, центром, острием, душой и сердцем роковой тенденции человечества — коммунистической атаки на весь мир. Я пишу об этом не с гордостью русского человека, а с тревогой гражданина планеты за её будущее» (Зиновьев 2023: 74).

При реальном, историческом существовании «реального коммунизма» Зиновьев не скупился на его уничижительные характеристики, в том числе антропологические. Реальных советских людей, своих недавних сограждан, он описывал с заметной неприязнью. Чтобы не быть голословными, мы опять приведём целый ряд характерных высказываний

Зиновьева из его «Коммунизма как реальности», вышедшей в свет в 1980 году. Вот как он характеризует советское общество, в котором якобы царствуют законы коммунальности, определяющие тип и вид и коммунистического общества как такового, и общества советского — как его максимально возможную реализацию:

«Однако в общем и целом поведение сложных индивидов аналогично простым. С этой точки зрения, например, Советский Союз в целом поступает так, как средне-характерный советский человек: он ненадёжен, лжив, лицемерен, становится хамом, чувствуя превосходство в силе, готов лебезить перед более сильным, и вместе с тем он искренен во всем. На Западе удивляются поведению Советского Союза в лице его руководства. А между тем оно вполне естественно. Эта страна — классический образец коммунального индивида» (Зиновьев 1994: 74).

«И тогда сложится тип общества, в котором будет процветать лицемерие, насилие, коррупция, бесхозяйственность, обезличка, безответственность, халтура, хамство, лень, дезинформация, обман, серость, система служебных привилегий. Здесь утверждается искажённая оценка личности — превозносятся ничтожества, унижаются значительные личности. Наиболее нравственные граждане подвергаются гонениям, наиболее талантливые и деловые низводятся до уровня посредственности и средней бестолковости. Причём не обязательно власти делают это. Сами коллеги, друзья, сослуживцы, соседи прилагают все усилия к тому, чтобы талантливый человек не имел возможности раскрыть свою индивидуальность, а деловой человек — выдвинуться. Это принимает массовый характер и охватывает все сферы жизни, и в первую очередь — творческие и управленческие. Над обществом начинает довлеть угроза превращения в казарму. Она определяет психическое состояние граждан. Воцаряется скука, тоска, постоянное ожидание худшего. Общество такого типа обречено на застой и на хроническое гниение, если оно не найдёт в себе сил, способных противостоять этой тенденции. Причём это состояние может длиться века» (Зиновьев 1994: 65).

«Так что обычно встречающаяся двуличность, доносы, клевета, подсиживание, предательство суть не отклонение от нормы, а именно норма. Тогда как обратные им качества суть исключения» (Зиновьев 1994: 77).

«Хамство и произвол мелких и крупных чиновников, грубость продавцов, произвол милиции, открытое взяточничество в системе услуг и учебных заведениях, бесконечная бумажная волокита, — всё это не мелкие недостатки, а суть дела» (Зиновьев 1994: 78).

«Одно из самых мощных средств воздействия коллектива на человека, который выпадает из него или имеет к этому тенденцию, — это клевета. Клеветали люди и в прошлом. Но только в коммунистическом обществе клевета стала нормальным социальным явлением, не вызывает открытого осуждения и никаких угрызений совести. Только здесь она достигает чудовищной силы и применяется на всех уровнях жизни. Конечно, всё зависит от того, на кого она направлена. Если она направлена на своего или (боже упаси!) на вышестоящее начальство, она есть уголовное преступление. Она ненаказуема лишь тогда, когда объект её вытолкнут коллективом и одобрен начальством в качестве индивида, противопоставляющего себя коллективу и обществу в целом. Такой индивид живёт в атмосфере постоянной клеветы. Поскольку у людей нет никаких внутренних ограничителей (вроде страха Бога, совести, моральных принципов, воспитанности), а внешние ограничители сняты, люди не скупятся на клевету и проявляют при этом бездну изобретательности. Талант народа в огромной степени уходит в клевету на ближнего.

Навыки клеветы в обществе развиты настолько высоко и привычка клеветать вырабатывается из поколения в поколение настолько последовательно и систематично, что люди даже не отдают себе отчёта в том, что они занимаются клеветой. Способность клеветы им органически присуща как одно из величайших исторических достижений народа» (Зиновьев 1994: 149).

Что и говорить, эти высказывания, мягко говоря, далеки от комплементарных и даже нейтральных, чего мы, казалось бы, должны были бы ожидать, помня, в сколь превосходных терминах Зиновьев высказывался об СССР уже в постсоветское время, называя его непревзойдённой вершиной как русской, так и мировой цивилизации. Однако если проследить его творческую и жизненную биографию, то нетрудно заметить, что Зиновьев всю жизнь был оппозиционером по отношению к существующему строю: антисталинистом при Сталине, антибрежневцем при Брежневе, антиельцинистом при Ельцине. Также поклонником и апологетом СССР он стал *post factum*, когда Союза уже не стало, к чему и сам Зиновьев, если говорить

откровенно, приложил руку, поскольку и он в советское время числился диссидентом, противником советского строя. Сам он говорил о диссидентах в конце 1970-х как о самом замечательном и значительном явлении во всей истории Советского Союза (!): «К счастью, дело обстоит таким образом, что это общество, естественно, порождает недовольных и людей, способных к сопротивлению. И эта борьба уже началась. Сейчас она приняла формы диссидентского движения. На мой взгляд, это самое значительное явление в социальной истории Советского Союза со времени революции. Явление более серьёзное и значительное, чем космические полёты, чем атомные бомбы. И уж тем более гораздо более значительное, чем выход в свет очередного эпохального труда Брежнева о том, как он осваивал целинные земли» (Зиновьев 1979: 52).

С другой стороны, конечно, неверно было бы говорить, что в Зиновьеве однозначно превалировала лишь диссидентская составляющая. Претендуя на объективное, научное понимание, он не был тотальным критиком реального коммунизма, старался соответствовать этой претензии. Это выражалось в том, что он и тогда, в советское время, даже в своих критических сочинениях как несомненные выдвигал некоторые достижения советского строя. Например, он всегда отмечал высокий уровень образования и науки или открывшиеся карьерные перспективы для огромного числа людей, в том числе выходцев из деревни. Или когда он говорил об относительных достоинствах колхозного строя. По его словам, к плюсам относилось то, что люди избавились от тревог за хозяйство, в деревнях появилась масса начальнических должностей и «интеллигентные» должности в клубах и МТС. Поднялся культурный уровень в сёлах и опять же открылись карьерные перспективы для жителей деревни по сравнению с прошлым (должности трактористов, бригадиров, механиков и др.) (Зиновьев 2023: 64).

Тем не менее общая тональность описания Зиновьевым советской жизни была всё же очень критической и близкой к диссидентской:

«Если описать реальную жизнь, например, Советского Союза абсолютно точно и полно, западный читатель (да и советский тоже, пожалуй) просто не поверит в правдивость такой картины, настолько она будет ужасающе нелепой, жестокой, тоскливой, омерзительной» (Зиновьев 1979, 15).

«Отвратительные язвы коммунистического общества» (Зиновьев 1979, 25).

«Более чем шестидесятилетний опыт Советского Союза и опыт многих других коммунистических стран дал и даёт совершенно бесспорные свидетельства о природе этого общества. Массовые репрессии, низкий жизненный уровень для большей части населения, прикрепление к местам жительства и работы, колоссальные различия в жизненном уровне высших и низших слоёв населения, подавление всякого инакомыслия, отсутствие гражданских свобод, карьеризм, взяточничество, система привилегий, бесхозяйственность, расточительность на руководящие спектакли, милитаризация и т. д. и т. п.» (Зиновьев 1979, 31).

И т. д.

Но когда диссидентская программа воплотилась в жизнь, Зиновьев стал её ярым критиком. В случае с ним, как говорит С. А. Смирнов, мы имеем перед собой фигуру «одиначки, который всю жизнь боролся с Системой, с любой — сталинской, ленинской, брежневской, западной, советской, послеперестроечной, горбачёвской и проч. Причём это правила борьбы одиначки-идеолога с системой. Мы имеем дело с феноменом социальной борьбы идеолога, а не с феноменом монаха, философа, поэта, священника, художника, которые действительно имеют в своём распоряжении лишь свои руки, голову и свой творческий дар» (Аванесов, Смирнов, Спешилова 2021: 455).

Его первая книга, «Зияющие высоты», — это попытка сплошной и радикальной сатиры на советский строй, который выставляется в ней беспросветно нелепым и тупым. Мы далеки от восторгов по поводу данной книги, но не по политическим или идеологическим мотивам, а по эстетическим. Слишком большое место в ней занимают сортирная и физиологическая темы, утомительные однообразные хохмы (нередко уровня студенческой стенгазеты), большей частью опять-таки однообразный юмор околофизиологического характера³, околوماتерное название города и его жителей, постоянное скабрёзное обыгрывание

³ Хотя, конечно, надо признать, чувство юмора у Зиновьева было уникальное. Некоторые его шутки запоминаются прочно. Например, как в одном из своих романов он после долгого диалога на серьёзные темы говорит собеседнику-собутельнику: «Ну, прощай! После этого стакана я, пожалуй, перестану тебя узнавать» (Зиновьев 1979: 502–503). В академической философской среде сохранилось немало баек о Зиновьеве и его остротах. Например, якобы, когда зиновьевский курс послали в колхоз на картошку, он подбил своих товарищей, и те ходили компанией по селу под написанным собственноручно транспарантом «Увеличим поголовье скотов!». Или когда Зиновьев услышал, что Ж. П. Вернан назвал Мамардашвили «грузинским Сократом», он сказал, что грузинский Сократ — это всё равно что чукотский Ойстрах. Однако нельзя не заметить, что юмор Зиновьева часто носит не просто остросатирический характер, но и имеет прямо-таки злой оттенок. «Его карикатуры как в рисунках, так и в текстах просто свирепы» (Аванесов, Смирнов, Спешилова 2021: 463).

этого словечка и т. д. Учитывая, что роман бессюжетен и состоит из множества коротких глав — историй и хохм, его вполне можно считать «увеличенной до размеров романа стенгазетой» (Аванесов, Смирнов, Спешилова 2021: 464).

Впрочем, в конце концов, оценка романа как художественного произведения, его эстетических качеств — это дело вкуса, а о вкусах, как известно, не спорят. Может, мы чего-то не понимаем или не чувствуем. Надо всё же учитывать исторический контекст и, несомненно, отдать дань смелости и мужеству Зиновьева, рискнувшего тогда всей своей жизнью и написавшего эту крайне критическую книгу. Да, возможно, роман читался иначе, когда был жив объект сатиры, и поэтому он тогда был гораздо более актуален. Но зиновьевский сатирический смех односторонен, потому что безжалостен и просто зол. Какую эвристическую, т. е. познавательную ценность «Зияющие высоты» имеют сегодня? Не как безудержная сатира, не как историческое воспоминание об этой составной части тогдашнего культурно-общественного процесса, а для сегодняшнего объективного исторического познания советского общества? Сегодня «Зияющие высоты» скорее любопытный исторический документ эпохи, но не живой собеседник в диалогическом деле исторического познания, отразивший в своём предмете нечто существенное.

Но удивительно, что «Зияющими высотами» восторгаются те же авторы, которые одновременно с одобрением пишут о его просоветской позиции в постсоветские годы. Тут словно нарочито отсутствует рефлексия по поводу того, как же сочетается одно с другим: радикальное высмеивание и неприятие советского в «Зияющих высотах» и более поздняя, почти столь же радикальная апология советского у постсоветского Зиновьева. Как верно замечает С. А. Смирнов про «Зияющие высоты», это «роман-памфлет. Не сугубо художественное произведение, а жанр бьющей наотмашь обличительной литературы, с помощью которой подвергаются уничтожающей критике основы всего строя, всего общества, всей системы — власть, люди, все, замешанные в коммунальности» (Аванесов, Смирнов, Спешилова 2021: 463).

Восторги по поводу творчества и личности Зиновьева часто лишены меры и вызывают ироническое изумление. Например, книга Павла Фокина о Зиновьеве «Прометей отвергнутый», вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей», содержит массу таких неумеренных высказываний. Опять же, только несколько цитат из неё:

«Он понял, что нашёл свою судьбу <...> И ещё он понял, что он гений» (Фокин 2016: 141).

«Некогда очарованный видением совершенного Древа Познания, он, точно новый Адам, создавал верные и единственные слова и правила его описания. Логические исследования были частью грандиозного проекта построения новой отрасли интеллектуальной деятельности, которую он в конце жизни назвал интеллектологией. Именно этим определялся его подход к логике, его поведение в науке. Поведение, вызывавшее удивление, изумление, протест одних и удивление, изумление, восторг других. Поведение, раздражавшее и восхищавшее. Поведение Творца» (Фокин 2016: 225).

«И увидел он, что это хорошо» (Фокин 2016: 312).

«Такой реальной антиутопии мировая литература ещё не знала» (Фокин 2016: 312).

«Его суверенное государство вышло на международную арену» (Фокин 2016: 312).

«И хотя “Зияющие высоты” поражали читателей своей монументальностью и всеохватностью, он-то знал, что, сказав в Ней главное, он отнюдь не сказал в Ней — всего» (Фокин 2016: 355).

«Так с советской властью до него ни один советский гражданин не разговаривал <...> Диссиденты — оспаривали, протестовали. Он — ставил в известность. Предупреждал. Он не ждал постановлений ЦК и указов Президиума Верховного Совета. Он сам принимал решение. Он — не реагировал. Он — вызывал реакцию» (Фокин 2016: 364–365).

Подобные высказывания щедрой россыпью рассыпаны по всему тексту объёмной книги на 750 страниц. Между делом говорится также, что Зиновьев был ведущим логиком страны, вообще направлял движение научной мысли. В изобилии даются ссылки на статьи, где Зиновьева называют самым великим писателем XX века (!), где он запросто сравнивается с Рабле, Свифтом, Кафкой, Бальзаком, Золя и т. д.

Такие вещи под стать писать чрезмерно пристрастному апологету, но не исследователю, претендующему на объективность и трезвость.

СЕРДЦЕВИНА ВЗГЛЯДОВ ЗИНОВЬЕВА: ЕГО КОНЦЕПЦИЯ КОММУНИЗМА

В историко-философских штудиях Зиновьева по значению обычно называют в одном ряду с Э. В. Ильенковым, М. К. Мамардашвили и Г. П. Щедровицким. Признавая, что эти фигуры действительно многое объединяет (близкое общение в молодости, очень схожие тогда интересы и сфера занятий, оригинальные концепции, выстроенные сначала на базе анализа взглядов Маркса), мы вынуждены всё же сказать, что философское значение взглядов зрелого Зиновьева беднее, чем трёх остальных.

Во-первых, оно заметно уже по тематике. Например, Ильенков и Мамардашвили достаточно много сделали в той сфере философии, которая традиционно называется метафизикой («первая философия» по Аристотелю, первые принципы бытия и познания). Про них вполне можно оговорить, как они понимали бытие, и человеческое бытие в частности в традиционном философском смысле. Относительно же Зиновьева тут возникают обоснованные сомнения. Кроме того, их концепции были гораздо шире в том отношении, что имели свои приложения и выходы в другие научные сферы, такие, как, например, педагогика и психология, или политэкономия (Ильенков), или даже бизнес и менеджмент (Щедровицкий). Там происходило и до сих пор происходит реальное взаимодействие с ведущими специалистами в этих сферах, в точках этих пересечений рождались новые методы и подходы. О том, какое преломление взгляды Ильенкова получили в психологии, педагогике и политэкономии, смотрите разбор, например, здесь: (Пущаев 2018).

Но в случае с Зиновьевым приходится констатировать, что он является по преимуществу философствующим социологом с почти полным отсутствием метафизического измерения в его взглядах. Конечно, ему свойственна междисциплинарность, но иного рода — между литературой, философией, политикой и обществоведением, поскольку он писал произведения, жанр которых принято обозначать как «социологический роман», а также активно работал в жанре политической публицистики. Но опять же, заметим, что этот жанр — именно социологический роман.

То есть Зиновьев, если брать его занятия в сфере познания и их результаты, был преимущественно обществоведом, философствующим

социологом. И, во-вторых, концепция Зиновьева не столь глубока, если высказанные им идеи, его концепцию (преимущественно обществоведческую) сравнивать с концепциями Ильенкова, Мамардашвили или Щедровицкого. Последние не сводятся к социологии или обществоведению, но, как мы уже сказали, имеют отдельно взятое метафизическое значение измерения. Опять стоит в значительной степени согласиться с мнением С. А. Смирнова, что «в отличие от друзей университетской юности, Щедровицкого, Мамардашвили, Ильенкова, Пятигорского, он не был, не хотел быть и не стал философом, то есть мыслящим об онтологических и экзистенциальных пределах от первого лица. Он хотел быть и стал неким социальным проповедником-утопистом, мнящим и всю жизнь уговаривающим себя и других в том, что открыл великий жанр социального романа-утопии и великое учение о коммунизме как реальности» (Аванесов, Смирнов, Спешилова 2021: 482).

Сердцевиной зиновьевского обществоведения была его концепция коммунизма. Как он сам признавал, «моей доминирующей и неизменной страстью так или иначе оставался коммунизм во всех его аспектах» (Зиновьев 2023: 286). Разъяснению того, как устроено коммунистическое общество, описанию разных сторон его существования, разных его исторических стадий посвящена большая часть его трудов, написанных как в форме трактатов, так и в жанре так называемого социологического романа: «Зияющие высоты» (1976); «В преддверии рая» (1979); «Светлое будущее» (1978); «Жёлтый дом» (1980); «Нашей юности полёт: литературно-социологический очерк сталинизма» (1983), «Горбачевизм» (1988); «Катастрожка» (1990); «Кризис коммунизма» (1991) и др.

Однако та объяснительная схема, которая лежит в основе зиновьевской концепции коммунизма, значительно уступает аналогичным бытийным «первосхемам» Ильенкова и Мамардашвили⁴. Откровенно говоря, нельзя не удивляться её бедности и абстрактной схематичности, поскольку всё разнообразие обществ сводится у Зиновьева лишь к двум обширным разрядам. Состоят они у Зиновьева в следующем. В жизни как каждого взрослого и трудоспособного человека, так и общества в целом, утверждает он, можно различить два аспекта — деловой и коммунальный. В деловом аспекте, говорит Зиновьев, люди действуют и вступают в какие-то отношения друг с другом в зависимости от того, что они

⁴ Попытка анализа этих «онтологических первосхем» и многочисленных следствий из них для разных «регионов сущего» и первопринципов соответствующих конкретных наук см., например, здесь: (Пуцаев 2018: 34–164).

должны заниматься каким-то делом, необходимым им для приобретения средств удовлетворения своих жизненных потребностей. Это может быть создание и циркулирование материальных ценностей, или создание культурных ценностей, или бытовое обслуживание людей и др. «В коммунальном же аспекте люди вынуждены совершать поступки и вступать во взаимные отношения в зависимости от самого того факта, что их очень много и что они вынуждены жить совместно из поколения в поколение» (Зиновьев 2008: 53).

По Зиновьеву, хотя эти аспекты и неразрывно связаны между собой и присутствуют в жизни каждого общества, степень их присутствия далеко не одинакова. Превалирование первого аспекта даёт тип современного западного (западнистского) общества. «Чтобы представить себе деловой аспект как таковой в отличие от коммунального, надо взять в качестве поясняющих примеров такие случаи, когда на действия и поведение людей не влияет ничто, кроме интересов дела» (Зиновьев 2008: 53). А превалирование второго аспекта — коммунального — даёт общество коммунистического типа. «Чтобы представить себе коммунальный аспект в “чистом” виде, надо выбрать в качестве примеров случаи, когда люди умышленно совершают поступки, затрагивающие интересы и влияющие на жизненные позиции других людей» (Зиновьев 2008: 53).

В соответствии с этой исходной схемой Зиновьев выстраивает своё понимание коммунизма. От себя заметим, что вызывает удивление и несогласие прежде всего то, что он выводит за рамки рассмотрения так называемый деловой аспект для понимания коммунистического общества, реального коммунизма, и весь реальный коммунизм превращается у него в одну огромную склочную коммунальную квартиру (не лишённую, правда, и своих своеобразных, нецивилизованных достоинств). Ведь советское общество всё же создавалось на основе и вокруг, прежде всего, всеобъемлющего дела — дела построения коммунизма. Советская эпоха была весьма деятельной, когда в обществе труд был провозглашён главной ценностью, а рабочий класс — главной частью общества. Человек труда превозносился всеми средствами государственной пропаганды, и не бесследно. Тогда было создано очень много из того, на что сегодня опирается наша страна и за счёт чего она сегодня живёт.

Просто под словом и понятием «дело» у нас понимается нечто иное, нежели на Западе. И, конечно, тогда превозносилась ценность именно коллективного труда, но трудовой, деятельный энтузиазм первых десятилетий советской власти несомненен. Такое впечатление, что Зиновьев

в таком своём подходе глубинно и бессознательно для самого себя остался западником. Также вопреки своему же тезису о том, что именно «в сталинское время создавалось общество, которое мы сейчас имеем в стране» (Зиновьев 2010: 28), описывал преимущественно уже увядающий реальный коммунизм, имея в качестве основного объекта своего изображения в основном позднесоветское брежневское общество, потерявшее прежний запал и горение. Поэтому в его описаниях столько внимания уделяется отсутствию деловой заинтересованности и таким якобы типично коммунално-склочным аспектам советского существования, как лицемерие, карьеризм, подсиживание друг друга и др. В этом плане концепцию коммунизма у Зиновьева нельзя не признать односторонней и бедной. Это так, несмотря на множество его страниц и трудов, посвящённых данной теме.

Однако, конечно, в его концепции есть и положительные стороны, и определённая эвристичность. Интересно, что первичной клеточкой коммунистического общества, в которой заключена суть коммунизма как общественного устройства и из которой вырастает всё его многообразие, Зиновьев считает трудовые коллективы. Каждый человек обязан принадлежать, быть приписан к тому или иному трудовому коллективу. В таком понимании коммунизма, с одной стороны, просматривается та специфика зиновьевской методологии, которую он усвоил со времён ещё своих занятий диалектической логикой и методологией Маркса в «Капитале». Этот принцип «первичной клеточки», из которой развивается всё остальное, он сформулировал ещё в своей диссертации 1954 года: «Исследование органического целого надо начинать с его “клеточки”» (Зиновьев 2002: 53). Это и есть, по Зиновьеву, «исходный пункт восхождения от абстрактного к конкретному», то, с чего имеет место начало любой науки. С другой стороны, на наш взгляд, тут есть своего рода преемственность и с дореволюционными концепциями, усматривавшими в русской крестьянской общине главное своеобразие русской социальной организации. В том числе и знаменитую формулу «Православие. Самодержавие. Народность» иногда толковали в таком ключе, меняя третий член формулы как синонимичный на термин «община».

То есть первичными клеточками коммунизма в концепции Зиновьева являются заводы, фабрики, институты, фермы, конторы, магазины, совхозы, колхозы, школы и другие предприятия и учреждения, в которых взрослые и работоспособные члены общества работали, получали вознаграждение за труд, добивались успехов, делали карьеру,

получали награды и различного рода жизненные блага. Жизнь людей на уровне клеточек и образует, по Зиновьеву, основу коммунистического образа жизни.

Он также стремится показать (и в этом тоже его преимущество, на наш взгляд) нечуждость, органичность коммунизма стране и людям, то, что он не был навязанной народу извне тоталитарной системой власти, что коммунистическое государство выросло из недр общества: «Коммунизм есть всеобщая организация населения страны в систему отношения начальствования и подчинения. Здесь власть есть орудие внутренней организации масс людей, а не нечто внешнее им и стоящее над ними, — есть форма и средство самоорганизации» (Зиновьев Кризис коммунизма 1994: 318). Это продуктивный взгляд, который лучше объясняет советский период русской истории, нежели наивные рассказы о коммунистической диктатуре, державшей народ в подчинении только страхом и террором. Зиновьев показывает, что этот террор, страх и насилие выростали из самого общества на той ступени исторического развития, требовались им тогда и были его органической частью. Об этом он много рассуждает в своей книге о Сталине «Нашей юности полёт». Рассуждения о сталинизме как общественной системе там ведутся от имени «раскаявшегося антисталиниста»:

«Потом мы встречались с ним чуть ли не каждый день. Он оказался бывшим антисталинистом, причём раскаявшимся.

— Раскаявшийся сталинист, — сказал Он, — есть нечто совершенно заурядное. Но раскаявшийся антисталинист, согласитесь, это есть нечто из ряда вон выходящее» (Зиновьев 2010: 20).

Надо заметить, что Зиновьев в этой книге выводит фигуру «раскаявшегося антисталиниста» заметно раньше, чем она получит широкое распространение, особенно в 1990-е годы, как и вообще фигура «раскаявшегося антикоммуниста». Вообще эта книга, «Нашей юности полёт», — одна из лучших у Зиновьева. Написанная страстно и ёмко, она лишена «воды» и его обычного однообразного сатирического ёрничества, содержит при признании массовости и чудовищности репрессий нетривиальные наблюдения в стремлении увидеть не только одну или две краски в сталинской эпохе. Например, идея доноса как «формы революционной самодеятельности миллионов масс населения» в сталинскую (но не более позднее время!) эпоху: «Не будь массового доносительства в это время, кто знает, уцелел ли бы сам строй. Но широкие массы населения сами проявили инициативу и доносили. Для них доносительство было формой участия

в великой революции и охраной её завоеваний. Донос был в основе добровольен и не воспринимался как донос» (Зиновьев: 2010: 24).

Подход к сталинизму в этой повести у Зиновьева по своей раздвоенности и диалектичности напоминает глубинную психологию самого Фёдора Михайловича Достоевского:

«Великая эпоха ушла в прошлое, осуждённая, но не понятая. Я тоже когда-то хотел принять участие в её разоблачении и осуждении. Я имел что сказать. Я имел моральное право на осуждение. Но вот прошло время, и я понял, что эта эпоха заслуживает понимания. И защиты.

Не оправдания, повторяю, а защиты. Защиты от поверхностности и мелкости осуждений. В условиях, когда все спекулируют на разоблачениях эпохи и её продукта (т. е. общества, которое сложилось в эту эпоху), самый сильный и справедливый суд есть защита. И я буду защищать тебя, породившая меня и рождённая мною эпоха!

Сталинизм вырос не из насилия надо мною, хотя я был врагом его и сопротивлялся ему, а из моей собственной души и моих собственных добровольных усилий. Я ненавидел то, что создавал. Но я жаждал создавать именно это. Вот загадка феномена сталинизма. И я сам хочу в ней разобраться. Я знаю, что мои слова иррациональны. Но ведь человеческая история вообще иррациональна» (Зиновьев 2010: 35).

В то же время следует подчеркнуть, что концепция коммунизма у Зиновьева претерпела заметную эволюцию вот в каком аспекте (о чём горячие приверженцы Зиновьева предпочитают сегодня умалчивать, ибо это опять-таки может повредить сложившемуся сегодня образу убеждённого патриота и консерватора). А именно, до того, как распад СССР перешёл в активную фазу, Зиновьев как «великий вопрекист» (Фурсов 2002) был очень критичен к советскому (= реальному) коммунизму и далёк от его апологетики, столь характерной для него в постсоветский период. И дело не в том, что Зиновьев декларировал себя сторонником научного подхода, в рамках которого нужно воздерживаться от оценок и стремиться лишь к пониманию. В его идеях и высказываниях на тему коммунизма, пока тот был жив, нередко проскальзывали нотки и настроения, близкие к откровенно диссидентским, а следовательно, идеологически пристрастным. Это касалось как в целом его идей в рамках его концепции коммунизма, так и замечаний как бы мимоходом, создававших определённый настрой. Например, ко второму разряду, разряду замечаний как бы между делом, но которые создают особую тональность и настроение, относится его высказывание на самых первых страницах его «Коммунизма как

реальности» о том, что «природные условия Советского Союза оказались весьма благоприятными для массовых репрессий — в тайге, в Заполярье и в северных морях можно бесследно спрятать миллионы трупов». Далее он замечает, что повторить нечто аналогичное в условиях Италии, Франции и других стран Запада будет труднее, но та же тенденция массовых репрессий здесь всё равно проявится, только иначе. К тому же, ехидно продолжает Зиновьев, «Советский Союз может протянуть Западу руку братской помощи и предоставить в его распоряжение свои необъятные возможности в этом отношении» (Зиновьев 1994: 10).

К важным критическим составляющим его тогдашней концепции коммунизма относится на разные лады постоянно повторяемое им утверждение, что коммунизм не устраняет вопреки своим обещаниям социального неравенства, а лишь меняет его форму. Более того, это неравенство при коммунизме якобы «становится более острым, чем в странах западной демократии» (Зиновьев 1979, 47). Сегодня, глядя на постсоветскую олигархию, очевиден, мягко говоря, популизм этого его тогдашнего утверждения и его тогдашняя идеологическая обусловленность. Но даже ещё в книге «Кризис коммунизма» (1990 г.) Зиновьев всерьёз утверждал, что в коммунистических обществах «различие в тратах общества на представителей низших и высших слоёв вполне сопоставимо с различием в наличных богатствах людей в капиталистическом обществе. Изменилась форма неравенства, но неравенство осталось» (Зиновьев «Кризис коммунизма» 1994: 355). Или, например, в этой же книге он заявлял, что коммунизм — это общество лишь для высших слоёв, которые имеют здесь самый высокий жизненный стандарт. Отличие лишь в том, что их богатством являются не деньги, а социальное положение. Но коммунизм — это их общество: «Они здесь хозяева. Они суть коллективный эксплуататор общества в своих интересах. Они заботятся о прочих соотечественниках лишь в той мере, в какой рабовладельцы заботились о рабах, помещики — о крестьянах, капиталисты — о рабочих» (Зиновьев «Кризис коммунизма» 1994: 371). Напомним, это 1990 год, когда Зиновьев, со слов его поклонников, якобы стал уже защищать гибнущий строй. Странная апологетика коммунизма, не правда ли?

Однако нетривиальная сложность зиновьевской концепции коммунизма в том, что, с одной стороны, он не отвергал живучести коммунизма как системы и был уверен, что он пришёл на века, что существующее в его рамках «буйство законов коммунальности» вполне соответствует данному обществу. Однако для него это всё же был низший тип общества.

Отличие капиталистического цивилизованного Запада от коммунистического Востока Зиновьев усматривал в том, что первый представляет собой цивилизацию по преимуществу, что этот тип обществ создаёт разные цивилизационные сдерживающие это «буйство законов коммунальности» механизмы. Но коммунизм как воплощение и пик «законов коммунальности» вполне соответствует определённому антропологическому типу. Представители этого типа не любят много работать, но они согласны ради этого на более низкий жизненный уровень, их потребности невысоки и в материальном, и в духовном плане, они более склонны к общению, но опять-таки на низком — т. е. «коммунальном», чуть ли не стадном уровне, и т. д.

Однако Зиновьев переоценил устойчивость коммунизма и недооценил грозившие ему опасности. Это уже много позже он рассказывал, как якобы уже тогда он насторожился, когда узнал, что во время визита в Лондон в 1984 году молодой секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачёв не поехал на могилу к Карлу Марксу, а предпочёл этому какие-то другие светские дела. На самом деле прогностические способности его и его концепции коммунизма в советское время оказались весьма невысоки. Сейчас горячие приверженцы и пропагандисты Зиновьева не очень любят вспоминать его книгу «Горбачевизм», опубликованную в 1988 (!) году. В ней он доказывает, что провозглашённая только что перестройка является хитрым маневром партийного аппарата и Горбачёва лично по удержанию власти и укреплению коммунизма. Эта книга на самом деле — пример прогноза, сбывшегося с точностью до наоборот, и понятно, почему и сам Зиновьев, и зиновьевцы не любят о ней вспоминать.

Так что в целом его общий критический настрой в адрес советского коммунизма при жизни последнего был довольно заметен. Особенно поначалу он не слишком отличался от своего интеллигентского окружения. Так, например, практически по-диссидентски стандартно воспринял Зиновьев ввод войск в Чехословакию в 1968 году, отреагировав на это следующими словами: «Надо дать им (власти) в морду». Именно отсюда, если верить его сверхапологетическому биографу Фокину, берёт отсчёт замысел «Зияющих высот» как работы диссидентской. «Он понимал, что расплата будет жестокой. Многочисленные примеры преследования диссидентов не оставляли сомнения в решимости властей подавлять всякое идейное сопротивление. Способов расправы было множество — тюрьма, лагерь, ссылка, принудительное лечение в психиатрической больнице, физическое насилие. Вплоть до убийства. О продолжении научной работы

можно будет забыть. О материальном благополучии тоже. Но оставаться в стороне больше было нельзя» (Фокин 2016: 393–394).

Интересно также, что ещё в марте 1987 года Зиновьев выступил со-автором-подписантом диссидентского письма к властям «“Гласность” или свобода рук?» с подзаголовком «Пусть Горбачёв предоставит доказательства» наряду с Владимиром Буковским, Василием Аксёновым, Юрием Любимовым, Э. Неизвестным и др. (всего 10 подписей). Опубликовано оно было в газете New York Times. В этом письме, в написании и редактировании которого сам Зиновьев принимал активное участие, тогдашним советским властям задавали как бы каверзный вопрос, чем же является новая политика Михаила Горбачёва: это «тот самый исторический поворот, о котором мы мечтали, знаменующий собой конец угнетения и нищеты в Советском Союзе? Или мы стали свидетелями лишь короткой “оттепели”, тактического отхода перед новым наступлением, как выразился Ленин в 1921 году?»⁵. Для подтверждения серьёзности горбачёвских намерений, того, что период «угнетения и нищеты в Советском Союзе» наконец-то действительно закончился, авторы выдвигают традиционные для диссидентского движения требования. А именно: объявить амнистию всем узникам совести, осудить преступное использование психиатрии, вывести войска из Афганистана и на деле, а не на словах приступить к радикальным экономическим реформам и либерализации культуры, разрешить полную гласность и т. д. Но главное, к чему призывают в 1987 году Зиновьев с соавторами диссидентами, — это отказаться от правящей идеологии: если бы советские лидеры действительно были бы настроены на радикальные перемены, им пришлось бы начать с отказа от правящей идеологии. «Идеология — то самое ядро советской системы, что не позволяет стране отклоняться от маршрута слишком далеко и слишком надолго; если главные идеологические постулаты останутся в неприкосновенности, долгосрочная советская стратегия останется пленницей её принципов».

В письме также говорится, что 70 советских лет «привели к запустению одну из самых богатых стран на планете», что Советский Союз — это тяжело больная страна, и в заключении содержится призыв не принимать новую политику за чистую монету: «Серьёзные перемены потребуют от советских лидеров отбросить ложные марксистско-ленинские догмы,

⁵ «Гласность» или свобода рук? // New York Times. — 1987. — 22 марта. — URL: <https://inosmi.ru/20080212/239553.html> (дата обращения: 22.04.2023).

прекратить “всемирно-историческую борьбу”, которую ведут только они сами, и позволить советским гражданам быть обычными людьми, которым можно будет вкладывать в слова “демократия”, “культура”, “правосудие” и “гласность” такой же смысл, как и их “буржуазным” братьям». Также Кремль, призывали тогда авторы этого обращения, должен прекратить эксплуатацию болезненных воспоминаний о Второй мировой войне в пропагандистских целях, отказаться от злобной «программы военно-патриотического воспитания», в обязательном порядке действующей во всех школах, и не допускать дальнейшей милитаризации общества. В заключении говорится, что, раз Горбачёв признаёт, что за все советские годы никому не удалось исправить ситуацию, «может быть, пришло время отказаться от самой системы?». Обратим внимание: это стандартный набор буржуазно-либеральных свобод и требований. Совершенно ничего самобытного. И Зиновьев это и писал сам, и подписывался под этим. То есть ещё до минимум 1987 года включительно его вполне можно было относить к тем, кого принято было называть «прорабами перестройки».

Всё это смотрится резким контрастом на фоне постсоветских превознесений Зиновьевым советского периода и «советской системы» и даже советской идеологии, критики им Запада и западнизма как смертельных врагов России, а также уверений, что Советский Союз убило лишь предательство партийной верхушки (см. его книги «Русская трагедия» (2014), «Идеология партии будущего» (2003). Первые явные апологетические высказывания Зиновьева о советском строе и советском периоде раздались тогда, когда тот находился уже при смерти, когда в принципе уже было ясно, что СССР больше не жилец — в 1990 году.

Отдельная характерная деталь, сейчас смотрящаяся даже несколько забавно на фоне сегодняшнего образа Зиновьева как горячего защитника коммунизма и советской системы — это то, что ещё в 1989 году он приезжает в крайне правую тогда пиночетовскую Чили к выходу там на испанском языке своего «Горбачевизма» по приглашению крайне правой газеты «El Mercurio», сыгравшей, кстати, важную роль в свержении Альенде и финансировавшейся из ЦРУ. «Они с Ольгой пробыли в Сантьяго неделю и всё это время встречали повсюду самый сердечный и радушный приём. В первый же день состоялась встреча с генеральным секретарём правительства Чили, министром Орландо Поблете. На лекциях присутствовали ректор Университета Чили Хосе Луис Федеричи, директор Института политических наук Густаво Куэвас, ведущие учёные и журналисты страны. За несколько дней он выступил с докладами более десяти раз. Его критика

перестройки и коммунизма в целом была воспринята аудиторией с большим вниманием. Выступление в университете слушали сотни студентов, десятки стояли в коридорах и на улице, куда была проведена трансляция. Было несколько эфиров на радио и телевидении. Все центральные газеты Чили ежедневно помещали отчёты о его встречах и выступлениях. Книга быстро разошлась» (Фокин 2016: 533).

Более того, он удостоивается благожелательной аудиенции у знаменитого антикоммунистического диктатора и даже получает приглашение стать его политическим советником, как написано в книге Фокина. «Философ поблагодарит за оказанное доверие, но отклонит предложение, сославшись на объективные причины» (Фокин 2006: 534). Впрочем, надо и тут отдать Зиновьеву должное как и правда смелому «вопрекисту». Через десять лет, в 1998-м году, когда против Пиночета попытаются начать уголовное преследование, Зиновьев направит ему открытое письмо поддержки, которое опубликует та же газета «El Mercurio». Тем не менее, интересно, как поздняя зиновьевская апология коммунизма сочетается с его особыми отношениями с Пиночетом, свергнувшим левое правительство Чили и топившим в крови чилийских коммунистов и социалистов.

Но вернёмся к тому, что, как мы уже сказали, лишь где-то в 1990 году «вопрекисту» Зиновьев в случае уже с советской системой привычно для себя начинает горячо защищать то, решительным противником чего он являлся ещё буквально вчера. В книге «Кризис коммунизма», опубликованной в 1990 году, он вдруг даже заговорил с негодованием, что стали оплёвываться «все святыни советской истории» (Зиновьев «Кризис коммунизма» 1990: 413). Но разве не тем же самым занимался сам Зиновьев, например, в «Зияющих высотах»? По-хорошему, во многом следующие его слова вполне могут быть обращены и к нему самому, вчерашнему: «Началось безудержное и бесконтрольное словоблудие, мазохистское саморазоблачение, оплёвывание всех святынь советской истории, очернение советской реальности. Все истины марксизма-ленинизма были подвержены сомнению и осмеянию» (Зиновьев «Кризис коммунизма» 1990: 413).

Как заметил В. М. Розин, «так всегда, когда исчезала возможность бороться с одними, Зиновьев начинал бороться с их противниками. Исчезла возможность бороться с Советами, Зиновьев начал борьбу с Западом» (Розин 2022: 219). И, добавим, защищать *post factum* и *post mortem* тех, с кем сам он ожесточённо боролся ещё вчера.

Помимо такой причудливой, но по-своему, по-зиновьевски логичной эволюции его концепции коммунизма ей свойственны и сущностные недостатки или слабые места. Мы уже указывали на скудость и примитивность той схемы, которую Зиновьев кладёт в основание своей концепции. Он разделяет все общества (или сверхобщества в его терминологии, но здесь это не важно) на два типа: на те, в которых превалирует деловой аспект (западнистские общества), и те, в которых превалирует коммунальный аспект. Последние и представляют собой общества коммунистического типа. Однако с таким логически-социологическим делением связана зиновьевская а-историчность понимания коммунизма и его социологии в целом: этот коммунальный аспект неотъемлем от социума по определению, и общество становится коммунистическим не в результате сложной запутанной истории, а там и тогда, где этот аспект вдруг начинает превалировать. Коммунизм Зиновьев никогда не рассматривал исторически, как имевший свою историю и предыстории. Он у него возникает словно Афина из головы Зевса. Правда, у него есть ряд оговорок, что советское общество сохранило в себе черты доисторической России, но этот тезис высказывается мимоходом и совершенно никак не поясняется. Дело выглядит так, словно Зиновьев под напором исторической фактуры вынужден об этом сказать, но совершенно не готов и не может это развивать в силу особенностей своего методологического подхода и собственных предрассудков. И возникшее коммунистическое общество по Зиновьеву должно существовать тоже уже практически вечно. Он был уверен до краха СССР в чрезвычайной прочности коммунизма, в том, что дальнейшая эволюция человечества будет от него неотрывна.

Такое как бы логическое (логико-социологическое) понимание или видение предопределило, с одной стороны, то, что Зиновьев практически не уделил внимания историческому анализу возникновения и победы коммунизма в России. На эксплицитном уровне, как мы уже сказали, он не выстраивал никакой исторической линии преемства ли или разрыва между Россией дореволюционной и Россией советской. Хотя в паре мест оговорил, что эта преемственность всё же есть. Но он не задаётся вопросом, что исторически предопределило появление и победу русского коммунизма. Он возникает у него как бы сам по себе, всплывает из глубин его логической социологии. С другой стороны, а-историчность его концепции коммунизма довольно долго делала Зиновьева чрезмерно оптимистичным по поводу перспектив выживания коммунизма. Он в рамках своей концепции фактически оказался бессилён предсказать его

крах и стал выражать тревогу по этому поводу, так сказать, лишь уже на самом краю пропасти или уже в ней. Ещё в книге «Кризис коммунизма», вышедшей в 1990 году, он пишет: «В отдельных странах возможно разрушение коммунистического социального строя и переход к социальному строю иного типа. Такую возможность нельзя исключать, например, для Восточной Германии, Венгрии, Чехословакии, Литвы, Эстонии. Но это ещё не будет означать гибель коммунизма вообще и наступление посткоммунистической эры. В обозримом будущем такая перспектива исключена для главных бастионов коммунизма — для Советского Союза и Китая» (Зиновьев «Кризис коммунизма» 1994: 438).

Он не считал серьёзной проблемой вероятность распада Советского Союза по «национальным квартирам». То есть он оказался бессилён предвидеть и оценить в качестве главной или одной из главных угроз собственно то, что и разрушило страну как единое целое: национальный сепаратизм: «Расчёты на то, что межнациональные конфликты в Советском Союзе послужат причиной гибели советской империи, основаны на полном непонимании фактического состояния страны с этой точки зрения» (Зиновьев «Коммунизм как реальность» 1994: 208).

Тем не менее повторимся, что, конечно, нельзя сказать, что концепция коммунизма А. Зиновьева не обладает и положительными моментами и сторонами. Зиновьев обладал острым умом и наблюдательностью, поэтому и его эмпирические наблюдения советской социальной жизни, и выводы на их основе, и концептуальное понимание реального коммунизма в целом не лишено интереса. Например, как системно и последовательно мыслящий человек он прекрасно понимал и предупреждал в разгар перестройки, что введение так называемой рыночной или планово-рыночной экономики в коммунистической стране может быть лишь легализацией жульнической или планово-жульнической экономики, что это приведёт к усилению хаоса и неподконтрольности в экономике, создаст целый класс богатых людей, добывающих своё богатство за счёт нарушения норм коммунизма и завуалированной эксплуатации масс населения. Всё это Зиновьевым правильно определялось как столь же совершенно инородные для реального коммунизма явления, как парламентаризм и многопартийность. Это органичные экономические и политические формы капиталистической системы, и в этом плане Зиновьев последовательно и логично выступал против «розовых иллюзий» того времени типа возможности политического плюрализма или рыночной экономики в советском обществе. Правда, с другой стороны,

коммунистическому Китаю удалось создать рыночную экономику, но при этом всё равно остаётся вопрос, насколько нынешний Китай является коммунистическим в Марксовом смысле. Но так или иначе, а политического плюрализма в нём нет и подавно.

Интересно также, что в 1990 году Зиновьев призывает к заключению компромисса с советскими консерваторами, в чём он проявил заметную трезвость (но всё равно хочется спросить, а где же он был раньше?):

«Нелепо думать, будто консерваторы хотят застоя в экономике, не хотят улучшения работы предприятий и учреждений, не хотят улучшения международных отношений, хотят вернуть страну к сталинизму. Если уж говорить об угрозе нового варианта сталинизма, то она исходит прежде всего от реформаторов, а не от консерваторов. Это горбачёвцы навязывают стране волюнтаристские методы сталинского типа. Это они хотят заставить страну сделать «рывок вперёд», не считаясь с потерями. Консерваторы отличаются от реформаторов лишь оценкой реального положения в стране и в мире, пониманием реальных возможностей страны и её социального строя, тактикой в осуществлении той же политической стратегии. Консерваторы стремятся решать проблемы коммунистического общества средствами, соответствующими природе этого общества и с сохранением всех положительных (с их точки зрения) достижений советского общества за семьдесят лет его существования. Семьдесят лет советской истории, с их точки зрения, не прошли впустую. Коммунистический социальный строй обнаружил, с их точки зрения, целый ряд преимуществ сравнительно с социальным строем стран Запада» (Зиновьев «Кризис коммунизма» 1994: 454).

Исходя из последних строк, можно утверждать, что Зиновьев тоже становится своего рода советским консерватором — но лишь накануне распада СССР! Такой консерватизм *post factum* всё же больше похож на проявление ностальгии своего рода по своему прошлому, когда человек из одной крайности бросается в другую.

Итак, чрезмерная системность и антиисторичность мышления Зиновьева выразилась в том, что он оказался, во-первых, бессилён предсказать крах коммунизма, не мог помыслить исчезновение самой этой системы. Верна констатация литературных критиков-эмигрантов П. Вайля и А. Гениса, что для Зиновьева страна победившего социализма была несомненной данностью и отправной точкой всех его дальнейших рассуждений, описаний, событий: «Для Зиновьева не стоит вопрос: проблематично ли существование советской власти? Он начинает там,

где заканчивают другие. Для него советская власть — печка, от которой надо танцевать, а не простукивать кладку. Для него важно то, что коммунизм — такая же законная социально-экономическая формация, как феодализм или рабовладельческое общество» (Вайль, Генис 2002: 141).

Во-вторых, коммунизм в мышлении Зиновьева был настолько сам собой разумеющимся феноменом, настолько той печкой, от которой он только и мог танцевать, что его крах и возникновение постсоветизма как сложившейся в России социальной системы Зиновьев тоже объяснял лишь внешними факторами, как нечто искусственно созданное, неестественное и неорганичное. Коммунизм, по Зиновьеву, пал в результате преимущественно коварного антикоммунистического переворота в годы горбачёвско-ельцинского правления, и только. Хотя коммунистическая социальная организация, как считал Зиновьев, и переживала состояние кризиса, обусловленное стечением ряда исторических факторов, тем не менее она была, по его мнению, вполне жизнеспособна. Он считал, что она только вступила в стадию эволюционной зрелости и ещё не успела раскрыть все свои созидательные возможности. Более того, «с точки зрения эволюционного уровня она превосходила все те формы социальной организации, какие знала история человечества, включая страны Запада. Запад в этом отношении отставал от Советского Союза по крайней мере на 50 лет» (!) (Зиновьев Постсоветизм 2002: 317).

Постсоветская же социальная система, по Зиновьеву, тоже была искусственно создана, а «не сложилась естественноисторическим путём. В Советском Союзе не назрело буквально никаких условий для создания такой системы. Её создали искусственно <...> Если вам отрезать голову — это ведь будет искусственная смерть. Точно так же обстоит дело и с Советским Союзом. Я уже не буду входить в логические тонкости. Советская система могла существовать сколько угодно долго. Она была новая, она была жизнеспособная и могла существовать хоть тысячу лет. Её убили. Страну убили, просто убили, и она находится теперь в таком состоянии»⁶.

Ввиду выше процитированного мы вынуждены констатировать, что, конечно, с такими воззрениями Зиновьев был крайне далёк от подлинного понимания внутренних закономерностей коммунизма как социальной

⁶ А. Зиновьев. Постсоветизм. Лекция Александра Зиновьева // Полит.ру — 2005. — 21 сентября. — URL: <https://polit.ru/article/2005/09/21/psizm/?ysclid=lhffw33kt2488257725> (дата обращения: 30.03.2023).

и идеологической системы, которые необходимым образом породили сначала его кризис, а потом и его гибель.

ВЫВОДЫ

Таким образом, резюмируем результаты проведённого нами исследования в поисках ответа на вопрос, почему имя А. А. Зиновьева всё же нельзя подводить под рубрику «консервативные мыслители России», а его взгляды считать подлинно консервативными. При этом мы не станем отрицать глубокого своеобразия фигуры Зиновьева и того, что у него есть важные заслуги перед консервативным сообществом современной России. Я имею в виду, прежде всего, его резкую антизападническую позицию в постсоветское (но не советское!) время. И тем не менее отметим как минимум три пункта, которые не позволяют нам считать А. А. Зиновьева национально ориентированным консерватором:

1. Его сугубо «советский консерватизм», строго ограниченный рамками советской эпохи, воинственно настроенный против исторической дореволюционной России и не выстраивающий с ней хоть какую-то преемственность или хотя бы благожелательно или нейтрально про неё молчащий, крайне слаб как историко-социальная и политическая конструкция. Этому консерватизму просто не в чем укорениться. Советская эпоха приходит у Зиновьева словно Минерва из головы Юпитера и так же внезапно уходит из истории, из-за преимущественно внешних враждебных воздействий, сыгравших главную разрушительную роль. Несмотря на ряд промежуточных оговорок, что строй советской России исторически позаимствовал ряд черт у дореволюционной России, историко-генетически Зиновьев это происхождение вообще никак не развивает и свой тезис никак не поясняет. Советское рассматривается им как некая замкнутая в себе логико-социологическая система. Сведение, редукция поздним Зиновьевым русского к советскому как его высшей точке и кульминации делает из русского коммунизма исторически непонятый феномен.

Более того, одновременно он активно нападает на историческую Россию как крайне отсталую страну и на Православную Церковь как оплот мракобесия. В силу открыто им декларируемой и воинствующей антисамодержавной и антиклерикальной позиции он не может рассматриваться даже как союзник тех консервативных политических и идеологических сил, для которых и историческая Россия и Церковь представляют

собой подлинные ценности. В любом случае с его наследием нужно обращаться крайне осторожно и не использовать его имя как безусловный консервативный авторитет.

2. Со своим проектом логической социологии Зиновьев в методологическом плане вызывающе а-историчен. Его склонность к априорным социологическим рассуждениям, к логическому конструированию общественных реалий делает из него скорее социологического позитивиста. В то же время консерватор, напротив, как раз должен быть особенно чуток к порой невысказываемым напрямую нюансам родной почвы и избегать логического конструирования как сознательного приёма.

В то же время, конечно, несправедливо было бы утверждать, что Зиновьев был совершенно чужд исторической конкретике. Как писатель он описывал массу разных ситуаций и лиц, его наблюдения порой поражают меткостью и остротой. Однако именно а-исторический методологизм и социологический позитивизм помешали тому, чтобы эту эмпирику он попытался погрузить и в более широкий исторический и историко-теоретический контекст, дать ему необходимое дополнительное измерение. Это и сделало Зиновьева бессильным исторически объяснить возникновение и гибель русского коммунизма, заставляло делать из него вечную форму социальной организации.

3. Всякий раз, когда Зиновьев в своей философско-социальной прозе и публицистике занимал позиции, которые можно называть близкими к охранительским или консервативным, он всегда это делал лишь по отношению к уже ушедшему прошлому, *post factum*. Причём пока это прошлое ещё не ушло и было настоящим, он его едко высмеивал и критиковал. Зиновьев в каком-то смысле всегда воевал против существующего, наличного, настоящего. Но ведь консерватизм — это охранение и сохранение существующего. В нём выражается любовь к настоящему, имеющему корни в прошлом, и попытка сохранить лучшее в нём для будущего.

Может ли вообще настоящий консерватор быть одновременно сатириком и язвительным критиком? Вряд ли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

«Не остановиться ли?» Из переписки Н. В. Устрялова и княгини Л. В. Голицыной / предисл. О. А. Воробьёва // Грани. — 1999. — № 192. — С. 207–227.

Аванесов С. С., Смирнов С. А., Спешилова Е. И. Человек у зеркала. Антропология автобиографии. — СПб. : Алетейя, 2021. — 637 с.

Вайль П., Генис А. Заговор против чувств // Феномен Зиновьева. — М. : Современные тетради, 2002. — С. 141–152.

Гусейнов А. А. Идейное наследие А. А. Зиновьева и современность // Философия в полицентричном мире. К 100-летию со дня рождения А. А. Зиновьева. Избранные труды VIII Российского философского конгресса. — М., 2022. — 772 с.

Зиновьев А. А. Без иллюзий. — Лозанна : L'Âge d'homme, 1979. — 123 с.

Зиновьев А. А. В преддверии рая. — Лозанна: L'Âge d'homme, 1979. — 590 с.

Зиновьев А. А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). — М. : Институт философии РАН, 2002. — 321 с.

Зиновьев А. А. Горбачевизм. — Нью-Йорк : Liberty, 1988. — 170 с.

Зиновьев А. А. Запад. — М. : Астрель, 2008. — 512 с.

Зиновьев А. А. Зияющие высоты // Собрание сочинений. — М. : Центрполиграф, 2000. — Т. 1. — 717 с.

Зиновьев А. А. Идеология партии будущего. — М. : Алгоритм, 2003. — 240 с.

Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. — М. : Центрполиграф, 1994. — 496 с.

Зиновьев А. А. Нашей юности полёт. — М. : Астрель, 2010. — 512 с.

Зиновьев А. А. Постсоветизм // Феномен Зиновьева. — М. : Современные тетради, 2002. — С. 316–321.

Зиновьев А. А. Русская судьба. Исповедь отщепенца. — М. : Канон-плюс, 2023. — 554 с.

Зиновьев А. А. Русская трагедия. — М. : Алгоритм, 2014. — 464 с.

Леонтьев К. Н. Владимир Соловьёв против Данилевского // Полное собрание сочинений и писем : в 12 т. — СПб. : Владимир Даль, 2007 (а). — Т. 8 (Кн. 1). — С. 316–417.

Мамардашвили М. К. Начало всегда исторично, то есть случайно. — Вопросы методологии. — 1991. — № 1. — С. 44–53.

Пущаев Ю. В. Философия советского времени: Ильенков и Мамардашвили. Энергии отталкивания и притяжения. — М. : ИНИОН РАН, 2018. — 356 с.

Пятигорский А. А. Как мы изучали философию. Московский университет, 50-е годы // Избранные труды — М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. — С. 308–317.

Розин В. М. Личность и вклад в науку Александра Зиновьева (размышления, навеянные чтением его интервью журналу «Личность. Культура. Общество») // Политическая концептология. — 2022. — № 4. — С. 212–220.

Фокин П. Е. Александр Зиновьев. Прометей отвергнутый. — М. : Молодая гвардия, 2016. — 750 с.

Фурсов А. И. О великом вопрекисте // Феномен Зиновьева. — М. : Современные тетради, 2002. — С. 40–64.

Сведения об авторе:

Пущаев Юрий Владимирович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, старший научный сотрудник ИНИОН РАН, 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1, e-mail: putschaev@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 09.01.2023; одобрена после рецензирования 12.02.2023; принята к публикации 16.02.2023.

Yu. V. Pushchaev

LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY,
MOSCOW, RUSSIA

Can Alexander Zinoviev Be Considered Nationally Oriented Conservative? (Critical Notes on the Works by Alexander Zinoviev)

Abstract. This paper examines the question of whether the Russian thinker Alexander Alexandrovich Zinoviev can be reckoned among nationalist conservatives, and provides a reasoned negative answer. One of the reasons for this is Alexander Zinoviev's sharply negative and even nihilistic attitude towards the Russian Orthodox Church and historical, pre-revolutionary Russia, which was unthinkable for any real Russian conservative. Therefore, his views could be conditionally labeled as Soviet conservatism. But even here there are nuances that complicate matters greatly, which are discussed in this paper. It is also noted that despite the great hype around the name of Alexander Zinoviev, his creative heritage is still very poorly studied at the moment. The paper briefly considers his creative evolution, his propensity for positivism starting from his dissertation. The pros and cons of his concept of communism as the core of all Alexander Zinoviev's ideas are analyzed in more detail. The poverty of its basic ideological scheme and its weak prognostic abilities are noted. At the end of the paper, three points are highlighted stating why Alexander Zinoviev cannot be considered a real conservative.

Firstly, this is his sharply negative attitude towards historical Russia and Orthodoxy. Secondly, this is the ahistoricism of his project on logical sociology and the positivism associated with it. Thirdly, Alexander Zinoviev became an apologist of the Soviet social system only after it left the stage of history, that is post factum. During the active period of the Soviet social system, Alexander Zinoviev always criticized and satirised it sharply.

Keywords: A. A. Zinoviev, Russian conservatism, Soviet conservatism, the Soviet era, real communism, liberalism, positivism, post-Sovietism

For citation: Pushchaev, Yu. V. (2023). Can Alexander Zinoviev Be Considered Nationally Oriented Conservative? (Critical Notes on the Works by Alexander Zinoviev). *Orthodoxia*, (1), 58–101. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-1-58-101

REFERENCES:

“Ne ostanovit’sia li?” Iz perepiski N. V. Ustryalova i kniagini L. V. Golitsinoi [“Shouldn’t We Stop?” From the Correspondence of N. V. Ustryalov and Princess L. V. Golitsina]. (1999). *Grani*, 192, 207–227. [In Russian].

Avanesov, S. S., Smirnov, S. A., Speshilova, E. I. (2021). *Chelovek u zerkala. Antropologiya avtobiografii* [Man at the Mirror. Anthropology of Autobiography]. Saint Petersburg: Aleteiia. [In Russian].

Fokin, P. E. (2016). Aleksandr Zinoviev. Prometei otvergnutyi [Alexander Zinoviev. Prometheus Rejected]. Moscow: Molodaya gvardiia. [In Russian].

Fursov, A. I. (2002). O velikom voprekiye [About the Great Contradictor]. In *Fenomen Zinovieva* [Zinoviev Phenomenon] (pp. 40–64). Moscow: Sovremennye tetrad. [In Russian].

Guseinov, A. A. (2022). Ideinoe nasledie A. A. Zinovieva i sovremennost’ [The Ideological Heritage of A. A. Zinoviev and Modernity]. In *Filosofia v polittsentrichnom mire. K 100-letiiu so dnia rozhdeniia A. A. Zinovieva. Izbrannyye trudy VIII Rossiiskogo filosofskogo kongressa* [Philosophy in a Polycentric World. To the 100th Anniversary of the Birth of A. A. Zinoviev. Selected Works of the VIII Russian Philosophical Congress]. Moscow. [In Russian].

Leontiev, K. N. (2007). Vladimir Solovyev protiv Danilevskogo [Vladimir Solovyov Against Danilevsky]. In Complete Works and Letters in 12 volumes (Vol. 8, book 1, pp. 316–417). Saint Petersburg: Vladimir Dal'. [In Russian].

Mamardashvili, M. K. (1991). Nachalo vsegda istorichno, to est' sluchaino [The Beginning is Always Historical, that is, By Chance]. Voprosy metodologii, 1, 44–53. [In Russian].

Piatigorsky, A. A. (1996). Kak my izuchali filosofiui. Moskovskii universitet, 50-e gody [How We Studied Philosophy. Moscow University, 50s]. In Selectas (pp. 308–317). Moscow: Shkola "Iazyki russkoi kul'tury". [In Russian].

Pushchae, Yu. V (2018). Filosofii sovetskogo vremeni: Ilyenkov i Mamardashvili. Energii ottalkivaniia i pritiiazheniia [Philosophy of Soviet Times: Ilyenkov and Mamardashvili. Energy of Repulsion and Attraction]. Moscow: INION RAN. [In Russian].

Rozin, V. M. (2022). Lichnost' i vklad v nauku Aleksandra Zinovieva (razmyshleniia, naveiannye chteniem ego interv'iu zhurnalu "Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo") [Personality and Contribution to Science of Alexander Zinoviev (Reflections Inspired by Reading His Interview With the Magazine "Personality. Culture. Society")]. Politicheskaiia kontseptologiya, 4, S. 212–220. [In Russian].

Vail, P., Genis, A. (2002). Zagovor protiv chuvstv [Conspiracy Against Feelings]. In Fenomen Zinovieva [Zinoviev Phenomenon] (pp. 141–152). Moscow: Sovremennye tetradi. [In Russian].

Zinoviev, A. A. (1979). Bez illiuzii [Without Illusions]. Lausanne: L'Âge d'homme. [In Russian].

Zinoviev, A. A. (1979). V preddverii raia [On the Eve of Paradise]. Lausanne: L'Âge d'homme. [In Russian].

Zinoviev, A. A. (1988). Gorbachevizm [Gorbachevism]. New York: Liberty. [In Russian].

Zinoviev, A. A. (1994). Kommunizm kak real'nost' [Communism as a Reality]. Moscow: Tsentrpoligraf. [In Russian].

Zinoviev, A. A. (2000). Ziiiaushchie vysoty [Yawning Heights]. In Collected Works (Vol. 1). Moscow : Tsentrpoligraf. [In Russian].

Zinoviev, A. A. (2002). Postsovetizm [Post-Sovietism]. In Fenomen Zinovieva [Zinoviev Phenomenon] (pp. 316–321). Moscow: Sovremennye tetradi. [In Russian].

Zinoviev, A. A. (2002). Voskhozhdenie ot abstraktnogo k konkretnomu (na materiale "Kapitala" K. Marksa) [Ascent From the Abstract to the Concrete (Based on the Material of "Capital" by K. Marx)]. Moscow: Institut filosofii RAN. [In Russian].

Zinoviev, A. A. (2003). Ideologiya partii budushchego [Ideology of the Party of the Future]. Moscow: Algoritm. [In Russian].

Zinoviev, A. A. (2008). Zapad [West]. Moscow: Astrel'. [In Russian].

Zinoviev, A. A. (2010). Nashei iunosti polet [The Flight of Our Youth]. Moscow: Astrel'. [In Russian].

Zinoviev, A. A. (2014). Russkaya tragediya [Russian Tragedy]. Moscow: Algoritm. [In Russian].

Zinoviev, A. A. (2023). Russkaya sud'ba. Ispoved' otshchepentsa [Russian Fate. Confession of the Renegade]. Moscow: Kanon-plus. [In Russian].

About the author:

Yuri Vladimirovich Pushchaev — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher at the Faculty of Philosophy at Lomonosov Moscow State University, Senior Researcher at Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 1, Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991, e-mail: putschaev@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 09.01.2023; approved after reviewing 12.02.2023; accepted for publication 16.02.2023.